В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Письмо к Гоголю

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Письмо к Гоголю

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Послесловие и примечания
Ф. М. ГОЛОВЕНЧЕНКО

ПИСЬМО К ГОГОЛЮ

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженного*[1] человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение вашей книги. Но вы вовсе не правы, приписавши это вашим, действительно не совсем лестным, отзывам о почитателях вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если б все дело заключалось только в нем; но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою наградою великого таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю не одно, а множество лиц, из которых ни вы, ни я не видали самого большего числа и которые, в свою очередь, тоже никогда не видали вас. Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали, при появлении ее, все враги

ваши—и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п.) и литературные, которых имена вам известны. Вы сами видите хорошо, что от вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа с ее духом[2]. Если б она и была написана вследствие глубоко-искреннего убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление. И если ее принимали все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтоб не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур перетоненную проделку для достижения небесным путем чисто земных целей—в этом виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительным. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб вы не были мыслящим человеком, а потому, что вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего *прекрасного далека*[3], а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому, что вы в этом прекрасном *далеке* живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с вами настроенного и бессильного противиться вашему на него влиянию. Поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме[4], не в аскетизме[5], не в пиетизме[6], а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр—не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: ***Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками;*** страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет

даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых),— что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров[7] и комическим заменением однохвостого кнута трехвостою плетью[8]. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне![9] И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале,—является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!* . .[10] И это не должно было привести меня в негодование? . . Да если бы вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел вас за эти позорные строки. . . И после этого вы хотите, чтобы верили искренности направления вашей книги? Нет, если бы вы действительно преисполнились истиною Христова, а не дьяволова ученья,— совсем не то написали бы вы вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне—его братья по Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хоть по крайней мере пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. А выражение: *ах ты неумытое рыло!* да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать миру как великое открытие в пользу и назидание русских мужиков, которые, и без того, потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина[11] и по разуму которого должно пороть и правого и виноватого?

Да это и так у нас делается вчастую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления—быть без вины виноватым! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления! . . Не может быть! . . Или вы больны, и вам надо спешить лечиться; или—не смею досказать моей мысли. . .

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма[12] и мракобесия, панегирист[13] татарских нравов—что вы делаете? . . Взгляните себе под ноги: ведь вы стоите над бездною. . . Что вы подобное учение опираете на православную церковь—это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем вы примешали тут?[14] Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии[15]. Церковь же явилась иерархией[16], стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми,—чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер[17], орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма[18] и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели вы этого не знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста. . .

А потому, неужели вы, автор „Ревизора“ и „Мертвых душ“, неужели вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству[19], поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем как первое никогда ничем не было, кроме как слугою и рабом светской власти; но неужели же и в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову

дочь и попова работника. Кого русский народ называет: *дурья порода, колуханы, жеребцы?* — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ—самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать.* Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический[20] народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков[21] между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация[22] вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностию,—ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом[23] да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры[24]. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею численно.

Не буду распространяться о вашем дифирамбе[25] любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к вам по их направлению. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты

самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для вас); только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего *прекрасного далека:* вблизи-то она не так красива и не так безопасна. . . Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух—он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества. . . Бестия наш брат, русский человек! . .

Вспомнил я еще, что в вашей книге вы утверждаете как великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна[26]. Что сказать вам на это? Да простит вас ваш византийский бог[27] за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге, вы не знали, что творили. . .

„Но, может быть,—скажете вы мне,—положим, что я заблуждался и все мои мысли ложь; но почему ж отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить искренности моих заблуждений?“—Потому, отвечаю я вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком[28] с братиею. Конечно, в вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; зато они развили общее им с вами учение с большей энергиею и большею последовательностью, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречия, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр[29], которые с вашей точки зрения, если б только вы имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее погибели. Чья же голова могла переварить

---

* Религиозная мания. *(Ред.)*

мысль о тожественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в вас искренности подобных убеждений. Что кажется естественным в глупцах, то не может казаться таким в гениальном человеке. Некоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плод умственного расстройства, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого заключения: ясно, что книга писалась не день, не неделю, не месяц, а может быть, год, два или три; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимны властям предержащим хорошо устраивают земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге слух, будто вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника[30]. Еще прежде этого в Петербурге сделалось известным ваше письмо к Уварову[31], где вы говорите с огорчением, что вашим сочинениям в России дают превратный толк, затем обнаруживаете недовольство своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто и т. д.* Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила вас в глазах публики и как писателя и, еще больше, как человека?

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или

---

* В „Полярной звезде“ напечатано: „Когда ими будет доволен царь“. *(Ред.)*

неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказанных вами всем и каждому. Положим, вы могли это думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в „Ревизоре" и „Мертвых душах" вы менее резко, с меньшею истиною и талантом и менее горькие правды высказали ей? И она действительно осердилась на вас до бешенства, но „Ревизор" и „Мертвые души" от этого не пали, тогда как ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности[32] и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья; и это же показывает, что у него есть будущность. Если вы любите Россию, порадуйтесь вместе со мною падению вашей книги! . .

Не без некоторого чувства самодовольства скажу вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностию дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли; но я тогда же сказал им, что, несмотря ни на что, книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И действительно, она теперь памятнее всем статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще, инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль—довести о нем до сведения публики—была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже пони-

мает, что молиться везде все равно и что в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его[33]. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко зрелище угнетения чуждых ему людей,—тот носит Христа в груди своей, и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуемое вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой—самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством[34], стать выше всех смирением может быть плодом только или гордости, или слабоумия и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом вы позволили себе цинически грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о самом себе—это уже гадко, потому что если человек, бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнью смерти, черта и ада веет от вашей книги. И что за язык, что за фразы! „*Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек!*“[35] Неужели вы думаете, что сказать *всяк*, вместо всякий, значит выразиться библейски? Какая это великая истина, что когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант! Не будь на вашей книге выставлено вашего имени и будь из нее выключены те места, где вы говорите о самом себе как о писателе, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз—произведение пера автора „Ревизора“ и „Мертвых душ“?

Что же касается до меня лично, повторяю вам: вы ошиблись, сочтя статью мою выражением досады за ваш отзыв обо мне как об одном из ваших критиков. Если б только это рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном выразился бы спокойно и беспристрастно. А это правда, что ваш отзыв о ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает меня смешным; но и эта необходимость тяжела,

потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имели в виду людей если не с отменным умом, то все же и не глупцов. Эти люди в своем удивлении к вашим творениям наделали, может быть, гораздо больше восторженных восклицаний, нежели сколько вы сказали о них дела; но все же их энтузиазм к вам выходит из такого чистого и благородного источника, что вам вовсе не следовало бы выдавать их головою общим их и вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать какой-то предосудительный толк вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это по увлечению главною мыслию вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил вашу мысль и напечатал на ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый донос[36]. Он это сделал, вероятно, в благодарность вам за то, что вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его *„вялый, влачащийся по земле стих"*[37]. Все это нехорошо! А что вы только ожидали времени, когда вам можно будет отдать справедливость и почитателям вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением вашим врагам), этого я не знал, не мог, да, признаться, и не захотел бы знать. Передо мною была ваша книга, а не ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя вы всем и каждому печатно дали право писать к вам без церемонии, имея в виду одну правду[38]. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины[39] распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Но нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и N* переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же еду с Анненковым[40] в Париж через Франкфурт на Майне. Неожиданное получение вашего письма

---

* Некрасов Н. А. *(Ред.)*

дало мне возможность высказать вам все, что лежало у меня на душе против вас по поводу вашей книги. Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить: это не в моей натуре. Пусть вы или само время докажет мне, что я ошибался в моих о вас заключениях,—я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь в том, что сказал вам. Тут дело идет не о моей или вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. И вот мое последнее, заключительное слово: если вы имели несчастие с гордым смирением отречься от ваших истинно великих произведений, то теперь вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы ваши прежние.

Зальцбрунн
15-го июля н. с.
1847-го года

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Письмо Белинского к Гоголю от 15 июля 1847 года — один из выдающихся памятников русской революционной демократической публицистики и литературной критики.

Написано это письмо по поводу реакционной книги Гоголя „Выбранные места из переписки с друзьями“, вышедшей в январе 1847 года. Великий критик рассматривал эту книгу как трагическую ошибку писателя, задумавшего порвать со всем прежним своим творчеством, отказаться от сатирического изображения крепостной России и перейти на сторону царя и помещиков.

Жизнь Гоголя в 40—50-е годы сложилась крайне неблагоприятно: после постановки на сцене „Ревизора“ в 1836 году он должен был, спасаясь от полицейских угроз и травли продажных журналистов, немедленно уехать за границу. Там он находился в обществе славянофилов, имевших на него крайне отрицательное воздействие. Под их влиянием в середине сороковых годов усилились религиозно-мистические настроения писателя, углубившиеся еще более в результате неправильного понимания им исторического значения революционных сдвигов в Европе и развития крестьянского движения в России. Писатель не мог разобраться во всей сложности событий, охвативших Россию, где происходило размежевание сил демократии и реакции. Он боялся социальных потрясений, которые, по его мнению, могли привести Россию к буржуазному правопорядку, установившемуся в Европе и Америке, где, как он отмечал, образовалось „государство-автомат“ и водворилась „мертвечина“. Идеал устройства общественной жизни Гоголь видел в далеком прошлом, когда якобы существовали патриархальные отношения, между людьми не было вражды и классовых противоречий, царила всеобщая гармония. Под влиянием подобных заблуждений Гоголь приходит к отрицанию политики, уклоняется от идейных передовых исканий и проповедует примирение помещика и крестьянина под покровительством царя и церкви.

Это была реакционная мысль, наивная утопия и бессмысленная попытка остановить движение жизни вперед. Испытывая глубокий кризис, Гоголь отрицает критический характер прошлой литературной деятельности и издает „Выбранные места из переписки с друзьями", видя в них средство к исцелению общественного недуга.

Тревожно ожидал Гоголь отклика на выпущенную книгу. Он полагал, что нашел настоящую форму для выражения своих идей, и ожидал всеобщей похвалы. Писатель был поражен и расстроен почти единодушным отрицательным отношением, какое получила книга в обществе. „Как это вышло,— недоумевал Гоголь,— что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять. Восточные, западные и нейтральные — все огорчились".

Отрицательно отнеслись к книге Гоголя даже некоторые из его „друзей"-славянофилов. „Гоголь покаран сильно общественным мнением,— писал Белинский Тургеневу 19 февраля 1847 года,— и разруган во всех почти журналах, даже друзья его... и те отступились, если не от него, то от гнусной его книги"[1]. Еще до опубликования книги С. Т. Аксаков, в семье которого Гоголь пользовался особым почетом, потребовал от П. А. Плетнева, которому Гоголь поручил наблюдать за изданием книги, чтобы тот отказался от возложенного на него поручения, так как „все это с начала и до конца ложь, дичь и нелепость и, если будет обнародовано, сделает Гоголя посмешищем всей России".

Славянофилы Шевырев, Погодин и Самарин, по тактическим мотивам, осудили „Выбранные места из переписки с друзьями". Однако славянофилы оценивали книгу Гоголя лишь в моральном плане, осуждая писателя за „сатанинскую гордость", за отсутствие „христианского смирения", и требовали от писателя воплощения идей книги в художественных образах.

Заклятые враги писателя — агенты царского правительства Булгарин, Сенковский, Вигель, барон Розен—торжествовали, утверждая, что для Гоголя „начинается новая жизнь".

Защита крепостных порядков в книге Гоголя вызвала глубокое возмущение всех передовых современников. Но никто из выступавших не мог осмыслить всей глубины падения и трагизма Гоголя как писателя.

Только Белинский сумел до конца понять и гениально объяснить политический смысл выпущенной книги.

---

[1] В. Г. Белинский, Избранные письма, Гослитиздат, М. 1955, т. 2, стр. 298.

Еще до появления „Выбранных мест из переписки с друзьями“ Белинский заметил трагическое противоречие во взглядах Гоголя. Критик встревожился, когда писатель высказал во второй части „Портрета“ идею о примиряющей роли искусства, а в „Мертвых душах“ дал обещание изобразить невиданных идеальных героев. Белинский указывал Гоголю в конце 1846 года в рецензии на второе издание поэмы „Мертвые души“, что если он будет изображать фантастическую Россию, а не действительно существующую, то он утеряет самую сильную сторону своего таланта.

В. Г. Белинский высоко ценил художественное творчество Гоголя, видя в нем своего соратника по борьбе с крепостниками. С именем Гоголя он связывал славу русской литературы и успехи родины на пути прогресса и свободы.

В авторе „Мертвых душ“ критик видел великого реалиста нового времени, беспощадного обличителя общественных пороков и угнетателей, писателя с „горячим сердцем“, „симпатическою душою“, художника, который своими „дивно-художественными, глубоко-истинными творениями... могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое, как будто в зеркале“.

Именно поэтому с чувством гнева и скорби встретил Белинский появление книги, в которой Гоголь отступил от правды жизни, явился проповедником реакционных идей примирения и мистицизма.

В 1847 году Белинский выступил во втором номере „Современника“ со статьей-рецензией по поводу „Выбранных мест из переписки с друзьями“. Назвав книгу Гоголя едва ли не самой странной из всех книг, которые когда-либо появлялись на русском языке, критик остановился на ее содержании и доказал полную несостоятельность всех ее идей. „Что касается до нас,— писал критик,— мы вывели из этой книги такое следствие, что горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение, после которого не всегда бывает возможно возвращение на прежнюю дорогу“[1].

В подцензурной статье Белинский не мог, разумеется, сказать всего, что думал, и вынужден был прибегнуть к эзоповскому языку, но и здесь обнаружилось негодование революционного демократа.

Статья Белинского сильно взволновала Гоголя. Он не ожидал, что критик, всегда защищавший его от вражеских наветов, может

---

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч. под ред. С. А. Венгерова, С.-П. 1914, т. X, стр. 455.

выступить в таких резких тонах и так сурово посмотрит на его новую книгу. Гоголь объяснил суровость оценки своего труда личной обидой Белинского и полагал, что отрицательное впечатление со временем загладится. Но упрек Белинского был для Гоголя тяжелее всех остальных критических замечаний, и он попытался объясниться.

В своем оправдательном письме Гоголь писал Белинскому:

„Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне во втором № „Современника". Не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося. А мне не хотелось бы рассердить даже и не любившего меня человека, тем более вас, о котором я вчера думал, как о человеке, меня любящем. Я вовсе не имел в виду огорчить вас ни в каком месте моей книги"[1].

Это письмо было переслано Белинскому за границу, в город Зальцбрунн, где он тогда лечился. Пробежав строки гоголевского письма, Белинский вспыхнул: „А, он не понимает, за что люди на него сердятся, — надо растолковать ему это, — я буду ему отвечать".— И принял вызов Гоголя. По свидетельству П. В. Анненкова, Белинский в тот же день приступил к составлению ответа.

„Не покажется удивительным, — вспоминал Анненков, — что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана. Притом же и самый процесс составления был довольно сложен. Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно набело и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции"[2].

Ответ Белинского представлял собою резкую отповедь Гоголю. Он содержал в себе не только опровержение ошибочных и вредных для общества взглядов писателя, его отсталых нравственных идеалов, но и критику всей социально-политической системы самодержавно-крепостнической России, которую пытался оправдать Гоголь.

---

[1] Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., АН СССР, 1952, т. XIII, стр. 326.

[2] „Белинский в воспоминаниях современников", Гослитиздат М. 1948, стр. 322.

С необыкновенной проницательностью дал Белинский характеристику политической обстановки в России 40-х годов и определил насущные задачи, стоящие перед литературой и каждым патриотом. Воспользовавшись возможностью высказаться без цензурных преград, критик указал, что главным злом современной ему жизни являлось крепостное право, жестокая эксплуатация и темнота народных масс. „Самые живые, — писал критик, — современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть“.

Уничтожение крепостного права Белинский связывал с пробуждавшимся революционным самосознанием народа. Он напомнил о крестьянских бунтах как предвестниках грядущей революции.

Ужасным зрелищем назвал он свою крепостную страну, где люди торгуют людьми, „сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками*“, страну, где нет „даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей“. Видя в просвещении народа залог его освобождения, Белинский с возмущением писал о тех страницах „Выбранных мест из переписки с друзьями“, на которых Гоголь выступал против распространения грамотности в народе. Белинский доказывал, что стремление к просвещению — одно из благороднейших свойств русского народа.

Не мог критик пройти и мимо вопросов религии.

Белинский считал своей обязанностью подвергать резкому осуждению славянофилов и других литераторов „казенной народности“, любивших рисовать русский народ богомольным и преданным церкви. Как революционный демократ, он видел необходимость борьбы с религией, активно поддерживавшей политическое и духовное рабство народа. Он вынужден был в своем письме особо остановиться на этом вопросе, потому что книга Гоголя насквозь пронизана мистикой, стремлением доказать, что русский народ, как якобы самый религиозный народ в мире, найдет себе спасение от всех бед в религии. Разбивая эту реакционную легенду о „глубокой религиозности“ русского народа, Белинский писал: „По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь!

... Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности“.

С гневом Белинский подверг осуждению монархические взгляды писателя, все его рассуждения о любви русского народа к царям и помещикам. Восставая против идеализации старых, отживающих

порядков, отказываясь видеть „божественную красоту самодержавия“, великий критик высказал глубокую веру в силы народа, которые „кипят и рвутся наружу“. В народе он видел много здравого смысла, чутья, сметливости, трудолюбия и предсказывал ему прекрасное будущее.

Белинский напомнил Гоголю о высоком общественном значении художественной литературы для прогресса России и при этом подчеркнул, что только в литературе, несмотря на татарскую цензуру, „есть еще жизнь и движение вперед“. Он напоминал Гоголю о том почете, каким пользуется в русском народе имя писателя и как награждается всеобщим вниманием талант, отдающий себя на службу народу, и, напротив, как падает популярность даже великих талантов, искренно или неискренно отдающих „себя в услужение православию, самодержавию и народности“. „И публика тут права, — заключал критик, — она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги“.

Белинский призывал Гоголя отречься от книги „Выбранные места из переписки с друзьями“ и „грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы... прежние“.

Критика Белинского оказалась столь острой и неотразимой, что Гоголь при всем своем „смиренномудрии“ не мог не задуматься о судьбе своей книги. Впечатление от письма было огромно, не осталось, по признанию самого писателя, „чувствительных струн, которым не было бы нанесено поражения“. Письмо прочел он „почти бесчувственно“. Вначале писатель составил резкий ответ, думая опровергнуть доводы Белинского. Он пытался смягчить свою вину, указывая на то, что книга писалась поспешно, но не отказывался от своих политических и религиозных взглядов. Вместе с тем ему хотелось высказаться отрицательно и о тех тенденциях критика, которые направляли русскую литературу по пути сатиры и обличения крепостнических порядков.

Белинский опирался в своих суждениях на столь неопровержимые факты, исходил из таких высоких и благородных представлений об обязанностях писателя, что возражать ему было невозможно. И Гоголь, потрясенный до глубины души суровым приговором великого демократа, нашел свой первый ответ неудовлетворительным.

Прошло немного времени, и Гоголь снова пишет ответ Белинскому. Хотя и в этом письме писатель не отказывается от выраженных им взглядов, но тон письма совсем иной, резко отличный

от первого наброска. Характерно не только признание того, что в словах критика „есть часть правды", но и в том, что сам писатель недостаточно знает Россию, что в ней „многое изменилось" с тех пор, как он покинул ее, что ему нужно „почти сызнова узнавать все то, что есть в ней теперь". В письме он делал вывод для себя — не „выдавать в свет ничего... даже и двух строк какого бы то ни было писания, покуда, проживши в России", не увидит многого своими глазами и не пощупает собственными руками.

Эти признания очень важны. Писатель под влиянием письма Белинского должен был убедиться в том, что сложившиеся у него в „прекрасном далеке" представления о России не соответствуют действительности. Он все яснее и яснее начинал понимать несостоятельность своих реакционных взглядов. Постепенно возрастало и критическое отношение к выпущенной книге. Так, в письме к В. А. Жуковскому он признавался: „Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее"[1]. В письме к С. Т. Аксакову он тоже писал о нанесенном ему поражении в связи с выпуском книги. Характерно заявление писателя, сделанное Жуковскому: „Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассуждениями. Я должен выставить *жизнь* лицом, а не трактовать о жизни"[2].

Высказанные в ответе Белинскому и в письме Жуковскому мысли Гоголю не удалось подкрепить своим дальнейшим творчеством. Писатель был уже тяжело болен и не мог выполнить своих замыслов. Однако о наметившемся отходе от идей „Выбранных мест из переписки с друзьями" говорят его „Авторская исповедь" и „Дополнение к „Развязке „Ревизора". В них писатель говорил о неразрывной связи литературы с народом и жизнью, о необходимости откликаться в литературе на животрепещущие вопросы современности. В этих же трудах заключается высокая оценка народного просвещения и дается иная характеристика русскому народу. Теперь он стал подчеркивать не мистическую сторону, а „оригинальность нашего русского ума". В „Авторской исповеди" писатель глубоко оценил деятельность Белинского, которая, по его словам, „навсегда останется памятником любви к искусству", потому что она возвысила в глазах общества значение поэтических созданий.

В письме Белинского ярко выразились идеи революционной демократии. Оно пользовалось огромной популярностью среди пе-

---

[1] Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., АН СССР, 1952, т. XIII, стр. 243.

[2] Там же, т. XIV, стр. 36.

редового русского общества. Не было такого уголка в России, где бы с трепетом не читали и не заучивали его наизусть.

„Это гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его", — сказал А. И. Герцен П. В. Анненкову, когда Белинский закончил им чтение письма.

Письмо Белинского к Гоголю вошло в историю русского освободительного движения как боевой манифест революционной демократии. В нем выразилось, по определению В. И. Ленина, настроение закрепощенного крестьянства. Великий вождь пролетарской революции, придавая огромное революционное значение письму Белинского для русского освободительного движения, писал в 1914 году:

„Его знаменитое „Письмо к Гоголю", подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору"[1].

Письмо Белинского долгие годы находилось под запретом царской цензуры, но тем не менее оно еще при жизни критика получило широкое распространение в списках. Передовая революционная молодежь, не боясь полицейского преследования, смело пропагандировала письмо великого критика. В кружке петрашевцев письмо служило программой революционной борьбы. За одно чтение письма в кружке петрашевцев Ф. М. Достоевский присужден был к смертной казни, замененной потом четырьмя годами каторги.

Впервые письмо Белинского опубликовано А. И. Герценом в первой книжке „Полярной звезды" в 1855 году. Письмо было переслано в Лондон к Герцену А. А. Чумиковым, известным педагогом и писателем, редактором „Журнала для воспитания", близко стоявшим к петрашевцам и молодому Чернышевскому. Публикуя письмо, Герцен в предисловии писал:

„...аноним прислал нам „Переписку Белинского с Гоголем". Переписку эту мы знали прежде от самого Белинского, она наделала некоторый шум в 1847 году. Во всяком случае, нет никакой нескромности ее напечатать; она прошла через столько рук, даже полицейских, что, печатая ее, мы собственно печатаем известное... Белинский и Гоголь принадлежат русской истории; полемика между ними — слишком важный документ, чтобы не обнародовать его из малодушной деликатности"[2].

Первую публикацию письма Белинского в легальной русской печати удалось осуществить в сокращении В. П. Чижову в статье

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 223—224.

[2] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, П. 1914, т. VIII, стр. 172.

„Последние годы Гоголя“, напечатанной в июльском номере „Вестника Европы“ за 1872 год. Отсюда текст перепечатал А. Н. Пыпин в своей монографии „Белинский, его жизнь и переписка“ (1876).

В 1894 году письмо Белинского было опубликовано Н. П. Барсуковым в восьмом томе его сочинения „Жизнь и труды М. П. Погодина“ со списка, найденного в 1867 году в бумагах редактора „Отечественных записок“ А. А. Краевского. Эта публикация тоже не являлась полной, — в ней опущены наиболее острые политические оценки критика, но она дана по одной из авторитетных копий и по сравнению с публикацией Герцена и Чижова заключает в себе большое количество разночтений. Публикация Барсукова не утратила своего значения до настоящего времени — как первое почти полное воспроизведение письма в легальной русской печати.

Полный текст письма Белинского без цензурных искажений читатели смогли получить только в советское время. За последние годы, в результате произведенных поисков, в распоряжении советских ученых оказался ряд новых, ранее неизвестных, списков письма. Изучение найденных списков позволило установить наиболее полный и точный текст письма, приближающийся к утраченному оригиналу. Среди этих списков заслуживают особого внимания четыре списка — список поэта и переводчика Шекспира Н. Х. Кетчера, критика П. В. Анненкова, декабриста Е. П. Оболенского, петрашевца Н. А. Момбелли. В основу нового критического текста письма Белинского положен список Кетчера, как наиболее авторитетный, с исправлениями в нем явных ошибок по спискам Оболенского и Момбелли.

Настоящий текст письма Белинского печатается по изданию: В. Г. Белинский, Избранные письма, Гослитиздат, М. 1955, т. 2, стр. 325 — 332.

Историческое значение письма Белинского к Гоголю, а также история текста письма детально освещены в работе профессора Ю. Г. Оксмана „Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ“ (см. Ученые записки СГУ, 1955, т. XXXI).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вы только отчасти правы, увидав в моей статье рассерженного человека...*— По выходе в свет книги Гоголя „Выбранные места из переписки с друзьями" Белинский напечатал в февральском номере „Современника" за 1847 год статью с резким осуждением реакционно-мистических идей этой книги. В письме к Белинскому от 20 июня 1847 года Гоголь писал: „Вы взглянули на мою книгу глазами рассерженного человека". (См. Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., АН СССР, 1952, т. XIII, стр. 327.)

[2] Белинский имел в виду прежде всего славянофилов.

[3] *...вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего прекрасного далека...*— Белинский пользуется выражением самого Гоголя из XI главы „Мертвых душ": „Русь! Русь! вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека". В июне 1836 года Гоголь, спасаясь от нападок критики после постановки „Ревизора", уехал за границу и только в последние годы жизни возвратился в Россию.

[4] *Мистицизм*—религиозно-идеалистическое воззрение, в основе которого лежит верование в „потусторонний мир" и в божественную силу. Мистицизм враждебен науке и всегда использовался эксплуататорскими классами, стремившимися одурманить сознание народа.

[5] *Аскетизм* — религиозно-этическое воззрение, проповедующее отречение от земных жизненных благ. Это воззрение всегда играло реакционную роль, так как, призывая к покорности, отвлекало народ от борьбы за улучшение условий жизни.

[6] *Пиетизм* — благоговение, притворное благочестие, ханжество; религиозное течение, направленное против науки и просветительской философии.

[7] *...белых негров...*— подразумеваются крепостные крестьяне.

[8] Однохвостый кнут был заменен треххвостою плетью Уложением о наказаниях в 1845 году, что являлось „гуманным“ актом, по высочайшему мнению царя.

[9] *...в ее апатическом полусне* — в состоянии безразличия, полного равнодушия.

[10] *...ругая их неумытыми рылами.*— В главе „Русский помещик“ Гоголь писал: „...а который посмел бы оказать ему (примерному мужику и хозяину.— *Ф. Г.*) какое-нибудь неуважение или не послушаться умных слов его, то распеки тут же при всех; скажи ему: „Ах ты неумытое рыло!“ Белинский порицает Гоголя за неуважительное отношение к народу.

[11] В главе „Суд и расправа“ Гоголь советовал всякого человека судить двойным судом — человеческим и божеским, судить и правого и виноватого. При этом он сослался на повесть Пушкина „Капитанская дочка“: „Мы только спорим из-за того, кто прав, кто виноват, а если разобрать каждое из дел наших, придешь к тому же знаменателю, то есть — оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша в повести „Капитанская дочка“, которая, пославши поручика рассудить городового солдата с бабой, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такой инструкцией: „Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи“.

[12] *Обскурантизм* — крайняя вражда к просвещению и прогрессу.

[13] *Панегирист* — человек, чрезмерно восхваляющий что-либо; в данном случае писатель восхвалял „татарские нравы“ царской крепостной России.

[14] *...но Христа-то зачем вы примешали тут?* — Имеется в виду совет Гоголя помещикам укреплять свою власть над крепостными именем Христа и священным писанием. Белинский упрекал Гоголя в том, что он легендарный образ Христа использовал в угоду церкви и помещикам.

[15] *Ортодоксия* — строгое соблюдение учения; в данном случае имеется в виду церковное догматическое вероучение.

[16] *Церковь же явилась иерархией...*— Церковь превратилась в администрацию, где заведен порядок безоговорочного подчинения низших чинов высшим.

[17] *Вольтер* Франсуа-Мари-Аруэ (1694 — 1778) — знаменитый французский писатель и философ, один из крупнейших представителей французского Просвещения XVIII века. Он подвергал остроумной и резкой критике сословные предрассудки, политическую систему абсолютизма, старый суд и церковь.

[18] *...орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма...* — В средние века католическое духовенство сжигало на кострах еретиков, то есть людей, отвергавших церковное вероучение. *Фанатизм* — слепое поклонение, слепая вера в божество. В своих произведениях Вольтер осмеивал церковный фанатизм и ханжество и тем самым способствовал пробуждению общественного сознания.

[19] Гневный протест Белинского вызвали входившие в „Выбранные места..." статьи „Несколько слов о нашей церкви и духовенстве" и „О том же", так как он понимал, что политическое раскрепощение народа немыслимо без раскрепощения от церкви и религии.

[20] *Атеист* — человек, отрицающий существование бога и отвергающий всякую религию.

[21] *Фанатические католики* — слепые поклонники католицизма, одного из направлений в христианстве, возглавляемого римским папой. Католическая церковь всегда вела ожесточенную борьбу с прогрессивными идеями и народным движением, она вдохновляла кровавые крестовые походы, была орудием порабощения трудящихся.

[22] *Мистическая экзальтация* — религиозно-восторженное состояние.

[23] *Теологический педантизм* — религиозная ограниченность, богословское начетничество. *Теология* — лженаука, пытающаяся доказать существование бога и обосновать религию.

[24] *Индифферентизм в деле веры* — полное безразличие к вере.

[25] *Дифирамб* — восторженное прославление.

[26] Белинского возмутили заявления Гоголя, сделанные в главе „Русский помещик", о том, что будто бы „учить мужика грамоте... есть действительно вздор", что „народ наш... бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги".

[27] *Византийский бог.* — Имеется в виду православие, перенесенное в Россию из Византии.

[28] *Бурачок* Степан Анисимович (1800 — 1876) — реакционный публицист, редактор журнала „Маяк". Его статьи о Пушкине носили характер доноса: великий поэт в них обвинялся в развращении общества, в защите атеизма. Гоголь в статье „О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности" высказался отрицательно об этой критике Бурачка.

[29] *Отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр...* — Белинский имел в виду статью „О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности", в которой Гоголь высказал глубокие суждения о значении реалистической драматургии, о вреде засилия мелодрам и водевилей на русской сцене, о величии

Пушкина в русской литературе. Гоголь вынужден был отметить пагубное влияние бюрократической администрации в театре и цензурных чиновников, тормозящих развитие искусства. Белинский признал эти высказывания очень ценными, но отметил, что они находятся в противоречии с основным направлением книги Гоголя.

[30] *Сын наследника* — Александр III; его отец, Александр II, в те годы был наследником русского престола.

[31] *Уваров* С. С. (1786 — 1855) — министр народного просвещения и президент Академии наук; занимал крайне реакционную позицию, являлся ярым врагом демократической литературы. По представлению Уварова царь Николай I назначил Гоголю ежегодное пособие в размере 1000 рублей, сроком на три года. В мае 1845 года Гоголь обратился к Уварову с благодарственным письмом, содержащим унизительные для писателя строки.

[32] Белинский ставил задачу перед писателями вести борьбу с реакционной идеологией, выраженной в формуле С. С. Уварова: „православие, самодержавие и народность“.

[33] Белинский здесь имел в виду самого Гоголя, который в предисловии к книге писал о намерении посетить Иерусалим и поклониться христианским святыням. Это намерение Гоголь осуществил в 1848 году.

[34] *...сделаться каким-то абстрактным совершенством* — отвлеченным от тех или иных сторон жизни совершенством.

[35] *„Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек!“* — Это выражение взято из XXIV главы „Чем может быть жена для мужа“. Белинский уловил в этом фальшивую ноту в стиле книги.

[36] *Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик; напечатал статью „Языков и Гоголь“ (П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., СПБ. 1879, т. II, стр. 304—334), направленную против Белинского и натуральной школы. Основная цель статьи была в том, чтобы противопоставить Гоголя и Белинского и возложить ответственность за „...пагубное направление натуральной школы на великого критика“. Положительно оценивая книгу Гоголя, Вяземский писал, что Гоголя „хотели поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить в нем какое-то черное литературное знамя“.

[37] Белинский коснулся главы XXXI „В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность“, в которой Гоголь похвалил Вяземского, но вместе с тем отметил отсутствие в его стихах „внутреннего гармонического согласования в частях“, „этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих“ (Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., АН СССР, 1952, т. VIII, стр. 407).

[38] В письме к другу детства Н. Я. Прокоповичу 20 июня 1847 года Гоголь писал: „Пожалуйста, переговори с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня. Если в нем кипит желчь, пусть он ее выльет против меня в „Современнике“, в каких ему заблагорассудится выражениях...“ (Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., АН СССР, 1952, т. XIII, стр. 325.)

[39] *Шпекин* — почтмейстер, один из героев комедии Гоголя „Ревизор“.

[40] *Анненков* Павел Васильевич (1812—1887) — известный литературный критик либерального направления, близко стоявший к Белинскому, Герцену, Гоголю и оставивший о них воспоминания.

СОДЕРЖАНИЕ

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Виссарион Григорьевич Белинский
ПИСЬМО К ГОГОЛЮ

Редактор *И. Михайлова*
Художник *Г. Кудрявцев*
Художественный редактор *Ю. Боярский*
Технический редактор *И. Татарский*
Корректор *М. Доценко*

*

Сдано в набор 27/I 1956 г.
Подписано к печати 3/V 1956 г.
А 06701. Бумага 84×108 1/32; 2 печ. л.
1,64 усл. печ. л.; 1,4 уч.-изд. л.
Тираж 300 000. Заказ № 178
Цена 35 коп.

Гослитиздат
Москва, Б—66, Ново-Басманная, 19

*

Полиграфкомбинат Главного управления издательств и
полиграфической промышленности Министерства культуры
Арм. ССР, Ереван, ул. Теряна, 91.

ЦЕНА 35 коп.

